

А.И. Стронин

Политика как наука

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
А11

A11 **А.И. Стронин**
Политика как наука / А.И. Стронин – М.: Книга по Требованию, 2021. –
532 с.

ISBN 978-5-458-11726-5

В "Истории и Методе" автор изложил свою теорию обработки социальных наук. Теперь, желая сделать опыт и самого применения этой теории к делу, он издает настоящую книгу. Но почему же из многочисленных социальных наук, предположенных в его теории, избрана именно эта?

ISBN 978-5-458-11726-5

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нию вещественного общества; но какъ первая до сихъ поръ не могла подать руку впередъ, наукѣ общественной, такъ вторая никакъ не можетъ до сихъ поръ подать руку назадъ, наукѣ естественной. Конецъ естествознанія и начало обществознанія еще разъ никакъ не умѣютъ спаяться. А между тѣмъ цементъ для этой спайки опять существуетъ, и существуетъ онъ именно въ другой половинѣ соціологіи, въ соціологіи невещественной, въ политикѣ. Сродство нервной физіологии съ политикою гораздо явнѣе, гораздо чувствительнѣе, чѣмъ сродство растительной съ экономіею; у первыхъ двухъ предметъ изученія совершенно одинъ и тотъ же: умъ, чувство, воля, но только у одной — индивидуальные, у другой — соціальные; а потому здѣсь-то и легче всего для наукъ общественныхъ завязать связь съ естественными. А потомъ, когда однажды уже она будетъ завязана здѣсь, ей не трудно будетъ распространиться на экономію и физіологію растительную. Такимъ образомъ выслѣдить нервный процессъ въ обществѣ значило бы въ одно и то-же время и естествознанію помочь, и въ обществознаніе внести физіологический элементъ и тѣмъ поставить его на твердую ногу. А это и есть дѣло политики. Съ другой стороны, односторонность экономіи безъ политики и всѣ послѣдствія этой односторонности такъ велики и такъ вредны, что этимъ прибавляется еще одинъ мотивъ больше для того, чтобы заглянуть, наконецъ, и на эту другую сторону медали, которая, быть можетъ, пособитъ разъяснить получше и первую. Вотъ всѣ побужденія, по которымъ избрана для настоящаго опыта политика.

Обращаясь затѣмъ къ литературѣ предмета, къ прежнимъ трудамъ въ томъ же родѣ, нельзя не замѣтить, что въ тѣхъ границахъ, какія только что очертилъ себѣ

авторъ, (первныи процессъ общества), предметъ этотъ никогда не былъ трактуемъ отдѣльно. Подъ политикой разумѣлось у древнихъ то же, что теперь разумѣютъ обыкновенно подъ соціологіей, т. е. все вообще обществознаніе, а потому въ древнихъ опытахъ этого рода и трудно найти какую либо тоджественность съ предлежащимъ опытомъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, по самой обширности задачи первыхъ не могли не войти въ нихъ и нѣкоторые предметы послѣдняго. Такъ именно случилось и въ Политикѣ Аристотеля. Въ числѣ разнообразнаго множества вопросовъ, какихъ касается это сочиненіе, вопросы экономическихъ, педагогическихъ, моральныхъ, административныхъ, семейныхъ и т. п., встрѣчаются и вопросы въ болѣе тѣсномъ смыслѣ политическіе, какъ напр. объ образахъ правленія, и даже политическіе въ смыслѣ настоящей книги, какъ напр. о государственныхъ властяхъ, о сословіяхъ, о причинахъ переворотовъ и т. п. Но всѣ эти вопросы, какъ перваго, такъ и втораго, и третьаго рода, развиваются тамъ съ своей особенной точки зрѣнія, совершенно чуждой настоящему опыту, а именно съ точки зрѣнія наилучшаго устройства тѣхъ или другихъ общественныхъ отношеній. Такъ напр. разборъ всѣхъ извѣстныхъ философи образовъ правленія приводитъ его къ тому окончательному заключенію, что самый лучшій образъ правленія есть соединеніе ихъ всѣхъ и умѣреніе одного другимъ. Къ подобнымъ же разрѣшеніямъ направлены и всѣ другія изслѣдованія философа, которыя заходятъ иногда такъ далеко, что предпринимается, напримѣръ, опредѣлить даже такія вещи, какъ самое лучшее устройство и расположение города, размѣщеніе въ немъ храмовъ и другихъ публичныхъ зданій, количество административныхъ лицъ въ государствѣ, продолжительность власти каждого изъ нихъ, наилучшіе способы назначенія въ эту власть, какія власти могутъ быть соединяемы въ одномъ лицѣ и какія не могутъ, сколько должно-

быть судовъ и, наконецъ, даже должны ли воины быть любезны со всѣми или же только съ своими знакомыми, и т. п. Изъ этого перечня видно, что такое изслѣдованіе носитъ на себѣ скорѣе характеръ ученаго политического проекта, чѣмъ науки политической, и во всякомъ случаѣ скорѣе характеръ политики какъ искусства, чѣмъ политики, какъ науки. Въ первомъ смыслѣ сочиненіе обнаруживаетъ признаки глубочайшей политической мудрости и такта, блещетъ поразительными предположеніями и соображеніями, какъ напримѣръ указанное уже соображеніе о совмѣщенніи всѣхъ образовъ правленія (осуществленное только въ наши дни Англіею) или можетъ быть еще болѣе замѣчательное, и чуть-ли не самое гениальное во всей книгѣ, пророческое предвѣдѣніе всего значенія средняго сословія (осуществляемое также только новой Европой). Девятая глава шестой книги Политики (по системѣ С. Илера), написанная тогда, когда среднее сословіе не имѣло никакого политического значенія, когда разсуждать объ этомъ значеніи можно было только *a priori*, и, однакожъ, разсматривающая всѣ послѣдствія подобнаго значенія съ ясностью существующаго факта, эта глава есть доказательство соціального чутья, по истинѣ изумительнаго. Но въ смыслѣ науки и такое блестательное предсказаніе не есть еще добыча, пока оно не связано ни съ какимъ обобщеніемъ, дающимъ возможность такихъ же предсказаний и всякому другому. Гораздо болѣе поэтому имѣютъ научнаго значенія такія положенія Аристотеля, какъ 1) законъ постепенности въ общественныхъ перемѣнахъ, 2) причины возмущеній, 3) раздѣленіе властей въ государствѣ, 4) анализъ тираніи и 5) связь олигархіи съ учрежденіемъ конніцы. Вотъ все, что можно принять за дѣйствительный вкладъ Аристотеля въ нашу науку, и чѣмъ мы не преминемъ воспользоваться отчасти въ этомъ сочиненіи, отчасти въ слѣдующемъ. Но все это не представляетъ еще такихъ широкихъ основаній, на

которыхъ бы можно было строить цѣлую науку. Роль же Аристотеля въ умственномъ мірѣ такова, что если мы не нашли у него зеренъ какого-либо знанія, то это вѣрный признакъ, что мы не найдемъ ихъ ни у кого болѣе ни въ древности, ни въ средніе вѣка. И дѣйствительно, всѣ дальнѣйшіе соціальные мыслители, всѣ Цицероны, стоики, Томасы Аквинаты, Ioанны Парижскіе, Марсиліи Падуанскіе и всѣ вообще, писавшіе о политикѣ, писали о ней по мѣркѣ, установленной Аристотелемъ, т. е. подвергая решенію постоянно все одинъ и тотъ же вопросъ о самой лучшей формѣ общежитія, при чемъ и въ решеніяхъ не далеко отходили отъ учителя. На тотъ же вопросъ долго еще продолжали отвѣтчать и въ новой исторіи. Маккіавелли нѣсколько видоизмѣнилъ направленіе, поставивъ, вместо вопроса о цѣли, вопросъ о средствахъ, но изъ предѣловъ политики эмпирической, политики, какъ искусства, все-таки не вышелъ. Это, впрочемъ, необходимый, естественный и всеобщій фактъ: всякая наука возникаетъ только изъ соответственного искусства, и всякой наукѣ такое искусство предшествуетъ, а потому не могло оно не предшествовать и наукѣ соціальной. Новымъ духомъ впервые повѣяло только со временемъ Жана Бодена, который былъ первымъ, кто рѣшился высказать такое смѣлое для своего времени обобщеніе, какъ то, что въ жизни каждого народа замѣчается періодъ зарожденія, періодъ процвѣтанія и періодъ упадка. Это, конечно, былъ уже рѣшительный, хотя и слишкомъ преждевременный, шагъ къ научному воззрѣнію на политику. Мало того, Бодень совсѣмъ уже оставляетъ эту абсолютную точку зрѣнія наиболѣшихъ вездѣ и всегда формъ, и прямо высказываетъ, что политическія учрежденія сообразуются съ различіемъ народовъ, съ разнообразіемъ природы, нравовъ и общественаго быта людей. Словомъ, все почти, заслуга чего приписывается Монтескіе, принадлежитъ собственно еще Бодену, и первый также незаслуженно заслонилъ собою

втораго, какъ Америкъ Веспуччи заслонилъ собою Колумба. Равнымъ образомъ и другое капитальное обобщеніе политическое, идея прогресса, закрѣпляемое обыкновенно то за Вольтеромъ, Тюрго, Кондорсе, то за германскими философіями исторіи, принадлежитъ еще яисенисту Никдлю, который въ своемъ сочиненіи о бытіи Бога говорилъ: «существуетъ постоянный, столь же древній какъ міръ, прогрессъ. Прогрессъ этотъ подобенъ прогрессу человѣка, выходящаго изъ дѣтства и проходящаго другіе возрасты.» Хотя въ началѣ идея эта и получила характеръ опять-таки абсолютный, характеръ безконечной и безусловной усовершаемости человѣческаго рода, съ какимъ характеромъ дошла и до нашихъ временъ, тѣмъ не менѣе обобщеніе это было уже достаточно широко для того, чтобы стало возможнымъ строить на немъ науку. И вотъ въ XIX вѣкѣ нашелся и зодчій, который, опираясь на подготовленную такимъ образомъ почву, заложилъ на ней вѣчный и незыблемый фундаментъ: это — Огюстъ Конть, такой же Аристотель обществознанія, какимъ первый былъ для естествознанія. Хотя главная его работа по отношенію къ соціальной наукѣ есть та, которая относится къ исторіи, и именно къ исторіи идей, а не политики, но многое, а именно все, что онъ называетъ статикою общества, относится и прямо къ нашему предмету, такъ какъ политика есть по отношенію къ исторіи политической тоже, что статика по отношенію къ динамикѣ: первая есть наука организаціи, вторая — наука жизни. А потому мы не имѣемъ даже возможности напередъ указать все, что будемъ предполагать известнымъ изъ Конта или въ чемъ сойдемся съ нимъ; говоря же вообще, мы усвоивъ въ настоящемъ сочиненіи почти цѣликомъ всю 50-ю главу его курса положительной философіи, какъ несомнѣнное, по нашему мнѣнію, достояніе политической науки, хотя достигнутое и съ иной точки зрѣнія, чѣмъ наша.

Наконецъ, что касается всѣхъ позднѣйшихъ, извѣстныхъ автору, сочиненій о политикѣ, то, хотя въ нихъ и чувствуется стремленіе уподобить себѣ и научный, и физіологический взглядъ, на что намекаютъ иногда и самыя заглавія ихъ, какъ напр. Соціальная наука, Физіология общества, Физіология государства, Психология общества, Статика общества и т. п., но въ нихъ нѣтъ ничего научнаго и физіологическаго кромѣ названій. Единственное блистательное исключение составляетъ Бокль; но трудъ его и по замыслу, и по исполненію остался, къ несчастію, однимъ фрагментомъ.

В В Е Д Е Н И Е.

Строеніе общества. Пирамидальное строеніе. Аристократія, демократія, ти-
мократія. Правительство, гражданство, интеллигенція. Природовладельцы,
капиталисты, труженики. Круговое строеніе. Села, города, столицы. Причина
двойного построенія. Уклоненія отъ типа строенія. Незамѣнность общаго
плана его. Основанный на этомъ планѣ методъ изученія общества.

Собираясь внести дѣйствительную физіологическую точку
зрѣнія въ политику, т. е. представить нервный процессъ
общества, систему невещественныхъ отправлений его, нельзя
не предпослать этой точкѣ сперва анатомическую, точку
зрѣнія строенія, организациі. Чтобы узнать функции, надо
прежде знать факторовъ. Таково именно и будетъ назначеніе
этого анатомического введенія.

Трудно себѣ представить что нибудь болѣе беспорядочное
по первому взгляду, что нибудь болѣе хаотичное, какъ зре-
лище общества. Никакая сложность и запутанность не мо-
жетъ дать ни малѣйшаго понятія о сложности и запутан-
ности этой. Въ самой высокой организациі, съ какою имѣ-
ютъ дѣло натуралисты и какую представляеть человѣческое
тѣло, уже по первому взгляду нельзя не замѣтить нѣкото-
рой правильности какъ строенія, такъ и отправлений: что
туловище помѣщается между головой и оконечностями, что
принятіе пищи предшествуетъ выдѣленію — это ясно съ
перваго взгляда. Совсѣмъ не то въ обществѣ даже самомъ
небольшомъ, каковъ, напримѣръ, городъ. Вотъ передъ вами
несется щегольская карета, на встрѣчу ей тянется обозъ

съ дегтемъ, справа пѣшходъ — разнощикъ кричитъ во всю глотку, слѣва вяжутъ человѣка на тротуарѣ, черезъ дорогу перебѣгаєтъ горничная со сливками въ рукахъ, тамъ дальше бѣгутъ погребальныя drogi, здѣсь кучка стѣснилась у церкви, дожидалась вѣнчанья, откуда-то доносится какая-то музика, возлѣ топчетсѧ на одномъ и томъ же мѣстѣ часовой, сзади слышны звуки команды, еще ближе плескъ веселья, а вотъ промчался во весь опоръ всадникъ, спустя минуту грянула гдѣ-то пушка, и все это спутывается, переплетается, все сливаются въ одинъ оглушительный гамъ и стукъ, гдѣ пѣть, повидимому, возможности ничего ни разглядѣть, ни разслышать, гдѣ трудно и на минуту допустить, чтобы во всемъ этомъ былъ какой нибудь порядокъ, чтобы все это неслось, тянулось, мчалось, встрѣчалось, ради какой нибудь одной и той же цѣли, и чтобы надъ всѣмъ этимъ разнообразіемъ могло царить какое нибудь единство. Гдѣ здѣсь верхъ и гдѣ низъ, гдѣ предъидущее и гдѣ послѣдующее — этого не увидишь глазами какъ на тѣлѣ. Въ большомъ обществѣ, напримѣръ въ государствѣ, хаосъ этотъ еще поразительнѣе. Правительство въ немъ нерѣдко стремится къ одной цѣли, самое же общество къ совершенно противоположной, при чемъ противорѣчие нерѣдко доходитъ до формального столкновенія. У высшихъ классовъ общества одни интересы, у низшихъ совсѣмъ другіе. У либераловъ такие-то идеалы и стремленія, у консерваторовъ прямо обратныя. Въ одной и той же партии одна ея секція хочетъ одного, другая другого. Одни постоянно уличаютъ другихъ въ поспѣшности, въ торопливости, вторые упрекаютъ первыхъ въ медленности, въ запаздываніи. Литературу одинъ винить какъ причину нравовъ, другой оправдываетъ ее какъ послѣдствіе ихъ. Революціонеры постоянно ссылаются на философовъ, философы постоянно отрекаются отъ всякой солидарности съ революціонерами. Заговорщики то и дѣло опираются на науку, на опытъ исторіи, а историки то и дѣло умываютъ руки въ своей неповинности. Общественное мнѣніе говоритъ одно, законодательство говорить

другое, и когда и почему онъ согласны, а когда и почему расходятся, — неизвѣстно. Чего нѣтъ и никогда не было въ законодательствѣ, часто оказывается на дѣлѣ, а что тамъ предписывается самимъ строгимъ образомъ, то здѣсь нерѣдко вовсе не существуетъ. Судь безпрестанно поддерживаетъ законъ, а между тѣмъ законъ все таки безпрестанно падаетъ. При явномъ недостаткѣ въ законѣ бываютъ явные достоинства въ судѣ, и наоборотъ при всѣхъ достоинствахъ закона часто всѣ они уничтожаются недостатками суда. Администрація всегда жалуется на публику, на нравы, какъ обязывающіе ее, публика и нравы всегда жалуются на администрацію, какъ облизывающую ихъ. Гдѣ кончается нравъ и гдѣ начинается обычай, гдѣ конецъ обычая и начало преданія, и есть ли между всѣмъ этимъ разница, — никто не знаетъ и знать не хочетъ. Какое отношеніе между преданіемъ и литературой, литературой и общественнымъ мнѣніемъ, мнѣніемъ и закономъ, закономъ и правосудіемъ, правосудіемъ и управлѣніемъ, управлѣніемъ и общежитіемъ, гдѣ ихъ соединеніе и гдѣ раздѣленіе, что изъ нихъ начальное и что конечное, что предшествуетъ и что послѣдуетъ, въ чемъ ихъ согласіе и въ чемъ противорѣчіе, — все это глубокая тайна. Войну всѣ клянутъ, всѣ осуждаютъ какъ нелѣпость и безсмыслицу, и всѣ продолжаютъ воевать. Есть ли какой нибудь смыслъ въ побѣдѣ и въ пораженіи или нѣтъ никакого — одному Богу извѣстно. Почему общество, побѣждавшее всѣхъ вчера, побѣждается всѣми сегодня, — это опять секретъ. Что сегодня считается въ высшей степени прогрессивнымъ, на завтра оказывается ретроградствомъ. Недавнее процвѣтаніе выходитъ въ сущности упадкомъ, а видимый упадокъ является источникомъ обновленія и т. д. и т. д. И гдѣ разрѣшеніе всѣхъ этихъ противорѣчій, гдѣ единство всего этого разнообразія, гдѣ свѣтъ для всей этой тьмы, — ничего этого простымъ, невооруженнымъ глазомъ не видно. Когда же предстанетъ предъ насъ зрелище такого общества, какъ все человѣчество, гдѣ стекаются сто, пятьсотъ, тысяча миллионовъ воль,

чтобы образовать тотъ же хаосъ, гдѣ каждая изъ нихъ имѣеть въ виду единственно себя и свое дѣло, никакъ не думая о чужомъ, гдѣ миллионы отношений перепутываются между собою такъ, что часто не умѣешь назвать ихъ по имени, то здѣсь представить себѣ единство и порядокъ окажется еще труднѣе для воображенія. Оттого-то нѣть почти ни одного самаго азбучнаго вопроса политики, о которомъ не были бы возможны самыя противоположныя мнѣнія и самые ожесточенные споры. А между тѣмъ должно же въ этомъ разнообразіи быть какое нибудь единство; и дѣйствительно, хотя всякое общество стремится, повидимому, разползтись въ разныя стороны, и хотя никогда, напримѣръ, народы не пробовали соглашаться на счетъ программъ своихъ, однакожъ безпрестанно случалось, что они дѣйствовали какъ будто согласившись, исполняли, сами того не подозрѣвая, общую задачу. Равно и внутри себя каждое общество, бросаясь въ глаза преимущественно жизнью частей своихъ, живетъ однакожъ и жизнью цѣлаго, гдѣ все есть и единство, и взаимность, и гармонія, и стройность. Открытие этого единства и составляетъ задачу всякой науки. А самое первоначальное разрѣшеніе такой задачи состоить обыкновенно въ томъ, чтобы представляющійся глазамъ цѣльный хаосъ раздѣлить сперва, по крайней мѣрѣ, на два хаоса. Такимъ-то раздѣленіемъ хаоса политического и есть между прочимъ различеніе въ немъ на первый разъ по крайней мѣрѣ двухъ разнообразій: разнообразія строеній и разнообразія отправленій.

Строеніе въ свою очередь не представляетъ, повидимому, ничего однообразнаго; оно варьируется, повидимому, до бесконечности, смотря по мѣстамъ, по временамъ и по самымъ объемамъ обществъ: тѣмъ не менѣе, однакожъ, есть вездѣ, всегда и во всякихъ обществахъ такія черты сходства, которыя даютъ возможность найти и здѣсь единство, открыть повсемѣстное и повсевременное строеніе обществъ, и при томъ не только такихъ какъ государства, націи и т. п., по